

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002 >

РОМАН №5 2023 ГАЗЕТА

Нина Орлова-Маркграф / Всё, как оно было

ОРЛОВА-МАРКГРАФ Нина

Родилась на Алтае. Окончила медицинское училище и Литературный институт им. Горького. Член Союза Писателей России с 1995 года.

Стихи публиковались в антологиях «Московская муза XVII–XXI», «Русская поэзия. XX век», «Вечерний альбом», альманахе «День поэзии» и др. Вышли книги стихов «Царь-сердце» (1991), «Утешение» (2007) и сборник стихотворений «Птицы-летицы» (2016, серия Библиотека журнала «Сибирские огни»). Рассказы и повести печатались в журналах «Симбирск», «Нева», «Москва», «Юность», «Север», а также вышли в книгах «Простить Феликса» и «Заступница» — о военном и послевоенном времени на Алтае.

Лауреат премии им. Святого благоверного князя Александра Невского и Международной премии им. Сергея Михалкова (за книгу рассказов для подростков «Хочешь жить, Викентий?» (2015).

ПАМЯТИ БОРИСА КУРКИНА

(1951–2023)

26 января ушел из жизни яркий человек, талантливый рассказчик, глубокий мыслитель Борис Александрович КУРКИН.

Известный юрист, востоковед, публицист, специалист по международному праву, доктор наук, профессор Куркин пришел в «Роман-газету» будучи автором многочисленных очерков, рассказов, книг прозы и публицистики.

Первая его публикация в нашем журнале — «ОПЕРАТИВНОЕ ДЕЛО «РЕВИЗОР» («РГ» № 11, 2012 г.) «Опыт криминального расследования» — так обозначил свой увлекательный литературоведческий триптих автор. Эпоха Николая Первого, Гоголь и Пушкин под пером Куркина обретали узнаваемый и, увы, доселе не утраченный образ нашего Отечества. Сатира не подменялась в «Оперативном деле» зубоскальством, разбор классических текстов был критичен, но и конструктивен.

Спустя пять лет в повести «ВОЛШЕБНАЯ ФЛЕЙТА ВЕНСКОГО ЛЕСА, или «О НЕМЕЦКОЙ ФИЛОСОФИИ В ЖИЗНИ КАПИТАНА ШИРОКОВА» («РГ» 2012, № 23) Борис Куркин представил читателю прозу совсем иного, лирического свойства. История курортного вояжа бывшего разведчика, тонкого меломана и заядлого путешественника, была написана озорно, изящно, с элементами детектива и любовной интриги.

В 2021 году Б. А. Куркин, к своему 70-летию, выпустил в свет монографию о «нейтралах» Европы и Франции во Второй мировой войне под ироничным заглавием «ТОЖЕ ВОЕВАЛИ». Колоссальный фактологический материал при обширной многоязычной библиографии, естественно, не укладывался в журнальные рамки. «Роман-газета» поместила лишь фрагмент из книги нашего автора — «Сопrotивление» (2021, № 19).

Нынешнее время побуждает к размышлениям над историческим прошлым России и перспективными тенденциями мирового развития. В ноябре прошлого года («РГ» 2022, № 21) в журнале было опубликовано публицистическое исследование Бориса Куркина «ПОДАВЛЯЮЩЕЕ МЕНЬШИНСТВО», посвященное Февральскому перевороту 1917 года и последующему разгону Учредительного собрания. Жанр сего труда определил он сам: размышления, документы, воспоминания...

Изложенное выше — сухой перечень результатов сотрудничества «Роман-газеты» с выдающимся аналитиком и политологом, историком и блестящим знатоком русской классики, человеком неистощимого оптимизма и православного мировосприятия. Больно думать, что бородатый богатырь, с заливыстым смехом и широкими объятиями не придет больше в наш дом на Басманной. Мир его праху!

Коллектив и Редколлегия «Роман-газеты»

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

Редакционная
коллегия:
Дмитрий Белюкин
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

Ответственный
редактор
Елена Русакова

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»
принадлежат
ООО «Роман-газета»
© ООО «Роман-газета», 2023
Все права защищены

Журнал зарегистрирован
в Министерстве связи
и массовых коммуникаций РФ.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-68350
от 30.12.2016 г.

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
roman-gazeta-1927@yandex.ru

Подписные
индексы издания:

в объединенном
каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2023 №5 /1922/ Основана в 1927 г.

Нина Орлова-Маркграф

Всё, как оно было

Повести, рассказы и стихи

ПЛАКАЛЬЩИЦА НЮСЯ

Шурик утонул. И никак не найдут. До мельницы всё проискали, где неглубоко, неводом прошли. Нету! Видно, к мосту отнесло. Как он тонул, видели дети — Соня Лискунова и Андрейка Маслов, которые купались рядом. Шурика отнесло течением и затянуло в омут. Крикнуть не успели, как он уже скрылся.

Так рассказывали испуганные и запыхавшиеся ребятишки матери Шурика. Она рванула на себе платье, взревела нечеловеческим голосом и побежала по дороге, сама не зная куда... Только беги — не беги, реви — не реви, река назад не отдаст.

Созвали на поиски ребят — тех, кто хорошо ныряет. Деревня задыхалась, переноса бегом эту весть, и вскоре почти все оказались на мосту. Река, которая зимой и летом поила водой людей, коней и домашнюю скотину, колыхала на своих волнах уток и гусей, река, столь богатая на рыбу, что в половодье ее можно было ловить руками, иногда становилась проклятьем. А ведь та же река служила колхозникам купальной в сенокос и страду, когда они вечером сбегали под бугор к берегу, держа в руках кусочки мыла и полотенца, заходили по пояс в воду и смывали с себя многослойную смесь пыли, пота, мазута. Время от времени за благодеяния она забирала в жертву жизнь человека — малыша, в доверчивом любопытстве шагнувшего с берега, безрассудного в своей смелости подростка, с разбегу нырнувшего в подводные кусты и зацепившегося трусамы за корягу. На худой конец, река довольствовалась похищением беспечного взрослого, сводила судорогой ноги и отправляла отяжелевшего на дно.

На седьмом году жизни Нюся не то чтобы понимала речное коварство, но была наделена природной осторожностью. Всегда купалась только у мостков, где по колено, перебирала по дну руками, ныряла, задевая носом донный песок. Боевая, полная завоевательной энергии, спорщица и драчунья, она не ладила ни с кем из соседских детей, кроме тихого Шурика. Тихость эта жила даже в мягких светлых глазах и покладистой улыбке на простоватом лице. Деревенские женщины называли его смиренным.

Нюся просыпалась ни свет ни заря и сразу бежала к Шурику. Что бы ни держал в тот момент Шурик в руках — купленный у старьевщика воздушный шар, резиновую

куколку маленькой сестреники, сколоченный из двух бакулок трактор, — он радостно протягивал игрушку Нюсе.

— Пошли на улку! — звала Шурика Нюся, и они вместе бежали на улицу, представлявшую собой пеструю цепочку бревенчатых домов через дорогу от речки.

Зимой Шурик катал Нюсю на санках, впрягшись коняшкой. Когда она спрашивала, не устал ли, только улыбался. У Нюси были коньки, которые привязывались к валенкам. Нюся брала в руки прутик, и Шурик, к обоюдной радости, возил ее по речному льду. Летом они ловили неводом из старой тюлевой занавески пескарей: брались каждый со своей стороны за два конца и водили по дну у берега. Нюся командовала:

— Поднимаем!

Они поднимали тюль и несли на берег трепыхавшихся пескариков. Наловив побольше, чистили их, ногтями счищали чешую, пальцем вспарывали брюхо, выдавливали внутренности. Промывали и, оставив улов в котелке с водой, купались.

И как получилось, что Шурик купался без нее? А так, что отец с матерью повезли ее с утра в районное село — прошел слух, что в магазин привезли школьную форму. И река не упустила случая забрать хорошего, всеми любимого Шурика. Вредная, настырная, драчливая Нюся Кулунде была не нужна. Нюся представляла, как взяла река Шурика своими мягкими текучими руками, и, в нетерпении прижимая к себе, унесла в омут, и кружила его там, кружила, заливая, заполняя водой, делая своим.

На мосту собиралось все больше односельчан. Шепот, сдержанные женские вздохи: «Господи, помилуй!», и вой, доносящийся из дома Печкуновых, что стоял неподалеку. Там успокаивали, уговаривали, поднося воду, капли, травяные отвары, и удерживали рвущуюся на улицу Анну, мать Шурика. Всё говорило о том, что в деревне случилось большое горе.

Четверо парней, лучшие пловцы и ныряльщики Мишка Полиняйкин, Митька Чусов, Ванька Рудов и Колька Печкунов, раздевшись до трусов, стояли у перил.

— Давайте, ребята! — скомандовал Егор Гордеич, колхозный бригадир. — По очереди. Первый пошел!

Левый пустой рукав его рубахи выпростался из-за пояса старых солдатских галифе и болтался на ветерке. Дядя Егор воевал в Отечественную, был командиром, да так им и остался. Хоть и поменялась его должность, а и тут без приказов никак.

Деревянный мост на четырех огромных, как казалось Нюсе, опорах-столбах был огорожен высокими перилами. Первым прыгнул с них в воду Коля Печкунов, двоюродный брат Шурика. Бухнула вода, разлетелась на брызги, разошлась на круги, оставляя ямку в центре прыжка. Но уже через несколько

мгновений сомкнулась, и Колька под ней исчез, будто никогда его и не бывало. Он знал этот отрезок реки, как свой двор, помнил каждый камень, каждую ямку в песчаном дне, каждый куст или корягу. После Кольки друг за другом попрыгали с перил остальные. Ребята выныривали, отплеывались и ныряли снова.

— Он где-то здесь — сюда должно было отнести, — то и дело слышала Нюся. Все это понимали. Но река, которая видела такое скопление народа на мосту лишь раз в году во время ледохода, надежно спрятала свое сокровище, свою чудесную добычу.

Пришел на мост пастух колхозного стада Никита Романыч — как всегда к этому времени уже в сильном подпитии.

— Пили, почивали, весело ль вставали? — грозным и в то же время насмешливым голосом обратился к нему Егор Гордеич.

— Я свою работу делаю, Егор Гордеич. Ты меня знаешь, — с пьяной спесью отвечал Никита Романыч.

— Знаю. На фронте отрядом командовал, а теперь стадо коров доверить нельзя. Увольняю тебя из пастухов, Никита.

— Горе-то какое, Гордеич! — Пьяные слезы показались в глазах Никиты Романыча. — Шурик... Я, Гордеич, не буду больше пить.

— Ага! Не будешь ты пить! С воскресенья до поднесенья, — вне себя заорала Тоня Воронина, жена Никиты Романыча, выступив из кружка женщин, стоявших посреди моста. — Навязался ты на мою голову!

Никита Романыч обиженно глянул на нее и пошел, чуть покачиваясь. Нюся видела, как он, пройдя мост, свернул влево и одиноко сел на бережку.

А ребята все ныряли. Первым из ныряльщиков выдохся Мишка Полиняйкин. Держась за ветви кустов, выбрался на берег на своих журавлиных ногах и распластался на траве, худой, длинный как жердь. За ним и все остальные, кроме Кольки Печкунова, поплыли к бережку отдышаться. Колька продолжал нырять, но, выныривая, каждый раз в знак неудачи выпускал из ладоней донный песок.

Никита Романыч вернулся на мост, заметно протрезвевший.

— Не найдут они его, Егор! — сказал он, подходя к бригадирю.

Отец Шурика, стоявший один в углу перил, сутулый, с закаменевшим лицом, обреченно глянул на Егора Гордеича. Бригадир подошел к нему. Отца Шурика звали Герман, но бригадир не выносил это имя, напомилавшее ему страну, с которой он воевал и в той войне стал одноруким калекой.

— Гера... — обратился к нему бригадир. — Гера, найдем.

— Не найдут, — твердо сказал Никита Романыч.

— Посмотрим.

— Посмотрим, сказал слепой, как будет плясать хромой. Помнишь, Егор, такую поговорку?

Егор Гордеич так резко дернулся, что рукав забросило ему сзади на плечо.

— Тьфу ты! — поймал его единственной рукой и ловко заправил за пояс галифе.

— Граблями давай попробуем, — тихо предложил Никита Романыч и указал рукой за реку, где под стеной нового коровника невесть кем и зачем были поставлены конные грабли.

Бригадир понимающе взглянул на боевого друга, подошел к самым перилам и, глядя вниз, заорал:

— Колька, вылезь! Ребята, все сюда, — махнул он остальным ныряльщикам.

Колька подплыл к мосту и, подтянувшись за поперечную балку, вскарабкался на перила. Запыхавшись, присел прямо на нижнюю планку моста. От частого дыхания ребра ходили ходуном, с чуба стекла струйки, которые заливали мутно-красные глаза.

— Занырялся? — спросил Егор Гордеич. — Еще тебе задание: видишь у коровника конные грабли на том берегу? Бери ребят, кто посильнее, — и туда. Петро Сигалаев с Никитой Романычем тоже вам помогут, слышишь, Петро? Волоките грабли к берегу. Лошадьми побудете. Митька! Чусов! Беги к Печкуновым — пусть побольше веревок дадут, принеси скорее.

Нюся, приплюснутая толпой к перилам, видела, как ребята бежали к коровнику, а следом широким солдатским шагом шли Петро Сигалаев и Никита Романыч. Добежав, ребята, не мешкая, впряглись по двое в каждую оглоблю, Петро и Никита стали третьими. Колька устроился на сиденье и поднял рычаг. Изогнутые в виде дуги пружинные эластичные зубья приподнялись вверх. Большие, как у боевой колесницы, ходовые колеса двинулись. И грабли покатили к низкому пологому берегу, куда, спустившись с моста, быстрым шагом устремился дядя Егор, отец Шурика и несколько односельчан.

Столкнули грабли в реку, вода укрыла высокие колеса меньше чем на треть. Медленно двигались грабли по воде. Дно реки было в основном песчаное, лишь ближе к берегу илистое. Не завязли бы... Но нет, грабли шли по воде ровно, не встречая никаких препятствий.

— Стоп! Назад! — командовал с берега Егор Гордеич. — Колька, за рычагом следи! Давай, разворачивайтесь. Пройдите к камышам ближе.

Впряженные в оглобли, выполняя команду, разворачивались и шли, куда им велели.

— Пройдите дальше! Вот так! Вдругорядь разворачивайтесь!

Нюся перевела взгляд с граблей в сторону омута: «Отдай нам Шурика, — про себя попросила она. — Отдай!» Темный крутящийся глаз омута сверкнул под солнечным лучом и завращался — мутный,

угрюмый. «Отдай Шурика! — продолжала повторять Нюся. — Отдай, отдай!»

— Дядя Егор, нашли! — услышала она победный и в то же время полный страха вопль. Кажется, кричал Ваня Рудов, тянувший грабли в первой паре — самый высокий, здоровый и мускулистый парень. Казалось, будто он один своей богатырской силой тащил тяжелые грабли и всех в них впряженных.

— Нашли! — вздрогнув, выдохнул весь мост одновременно. Народ кинулся к перилам.

— Поворачивай к берегу! — Егор Гордеич пошел с моста к месту, куда завернули грабли. Отец Шурика уже вбежал в воду. Нюся видела, как он протянул руки и вцепился в гнутую решетку зубьев.

— Нюска! — услышала за спиной Нюся охрипший, словно изнемогший от бессилия голос матери. Она оглянулась.

— Мамка, Шурика нашли! — бросилась она к матери, которая стояла, заполошенно комкая передник. Видно, забыла его снять, выбежав из дома.

— Ты зачем убежала, а? Мало, что Шурик утонул? Я умом чуть не тронулась, ищу тебя!

Мать взглянула на берег, куда уже вынесли и положили Шурика. Затем вскрикнула и, схватив Нюсю за руку, быстро повела с моста. Они шли домой самой дальней от реки дорогой.

— И зачем наша речка Шурика забрала? — Нюся вырвала свою руку из руки матери. — Уж лучше бы меня забрала — правда, мамка? Ведь я драчунья, зараза непутевая, я все нервы тебе вымотала, ты уже деваться от меня не знаешь куда...

Мать ошарашенно остановилась и присела перед Нюсей на корточки.

— Да ты что? Донюшка, родная! — Она прижала к себе дочку. — Это не речка, это Бог забрал Шурика к себе. Он теперь ангелочек, с неба на нас поглядывает.

— А меня Бог заберет?

— Всех когда-нибудь заберет. Не горюй, донюшка! Все там встретимся.

— А когда?

— Когда жизнь свою проживем.

— И тогда со всеми встретимся?

— Со всеми, кого любим.

Нюся любила всех, всю деревню и даже пьяницу Никиту Романыча, над которым все потешались, а председатель грозился выгнать из колхоза. Дядя Никита так хорошо пел «Шумел камыш» или «Когда б имел золотые горы». Он часто ходил в лес по добычу и всегда, если встречал Нюсю, возвращаясь мимо ее дома, чем-нибудь угощал — то отломит личкиного хлеба от краюхи, то горстку земляники, то костянички даст. Хоть у самого пятеро детей, а не жадный. А один раз зайчонка нес. Нюся как раз возле калитки прыгала — ей он и достался! Помял зайчонка хищный горностаи, а не успел отведать, самому убежать пришлось. Зайчик у Нюси всю зиму прожил.

Что она со всеми деревенскими у Бога встретится — это хорошо. Но самое главное: она снова будет играть каждый день с Шуриком!

Наутро к дому Шурика шли односельчане, чтобы навестить родных, всю ночь просидевших у гроба. Шли, чтобы посмотреть в последний раз на Шурика, которого скоро вынесут из дома навсегда. Они выражали жалость и любовь, целуя покойника в лоб, глядя по руке, заботливо поправляя погребальное покрывало либо еще как-нибудь проявляя сочувствие горю.

— Пойдем, Анна, и мы к Шурику, — позвала Нюсю мать, управившись по хозяйству. Она редко обращалась к ней так серьезно и уважительно: «Анна». — Мы ближние соседи, все равно что родственники.

Мать быстро заплела Нюсе косички, надела новое платье, и они пошли к соседям.

В комнате с завешанными окнами горел тусклый свет одинокой голой лампочки, свисавшей с потолка на витом шнуре. Лампочка располагалась так, что свет ее падал прямо на лицо Шурика, и оно — широкое, распухшее, с закрытыми глазами — поблескивало.

— Нюшенька! Как же ты теперь без дружка-то своего! — завывала тетя Аня, мать Шурика, увидев Нюсю.

Она сидела на низенькой табуретке в изголовье, бессильно уронив голову на кромку гроба. Сбоку по-прежнему стояла бабка Шурика с отцовской стороны, которая никогда до этого не приходила в этот дом, потому что не ладилась с матерью Шурика.

Со второго бока занимала чуть не всю сторону сестра матери Шурика, толстенная Антонина. Она мяла носовой платок в руках, забывая вытереть мокрые щеки, и в голос выла: «А крестничек ты мой, крестник! Что же ты наделал, племянничек мой любимый...» От самой двери горницы и до гроба стояли толпой люди, слышались время от времени глубокие вздохи, всхлипывания, печальное покашливание.

Молельных старух и плакальщицы Пелагеи не было. Сказали, придут отпевать на кладбище. С пяти лет Нюся ходила с мамкой, а то и бегала одна на похороны, бывала на всех поминках, где любила есть молочную лапшу и сладкую рисовую кутью. Нюся помнила многие Пелагеины плачи от начала до конца и научилась их «плакать» пронзительным, звенящим голосом.

Мать подвела Нюсю к Шурику.

— Попрощайся, дочка.

Нюся взглянула на гроб, укрытый кружевным покрывальцем. Затем, наполняясь каким-то возвышенным и незнакомым ей до сих пор чувством причастности к огромному неохватному горю, вдруг встала возле Шурика на коленки и тонко запричитала:

— Ох, на кого же ты одну меня оставил, для чего болеть сердеченко заставил? Из белых рук-то я тебя уронила, из мутных очей да потеряла. Недалеко я тебя спровадила, неглубоко я тебя закопала. Из той пути, из той дорожечки ясным соколам да нету вылету, белым лебедям да нету выпуску. Из матушки да из сырой земли, из сырой земли да земляна бугра...

Эту заплачку она слышала от Пелагеи. И когда заплачка кончилась, Нюся выплакала первый свой собственный плач:

— Ты водился да со мной, добрый братец мой, красным летушком веселым, белою зимой. Ты давал мне всякие игрушечки, мастерил всякие бабушечки. Дождись ты меня, горюшу горькую, полечу я к тебе да над горкою. Когда крылышком архангел да поманит, когда времечко то доброе настанет...

Последние две строки были от Пелагеиной заплачки, Нюся любила их и добавила в конец. В тишине горестной и благоговейной неся, вздымался вверх, словно кадильный дым, Нюсин плач. Никто не подхватывал, не выл и не голосил вместе с ней, так неожиданно для всех было это зрелище стоявшей на коленях русоголовой маленькой плакальщицы в новом платье.

Душа ребенка больше всего и прежде всего отличается от души взрослого тем, что иначе воспринимает горе. Вокруг нее словно сооружена невидимая защитная стена, ибо ни один детский организм, ни одна детская психика не выдержали бы того погружения в бездну отчаяния, в какую ввергает горе нас, взрослых. Жизнь, вероятно, остановилась бы, не будь этого прозрачного, но покрытого пленкой-оберегом охранного щита детской души.

В тот день, когда конными граблями нашли в реке тело утонувшего Шурика, мать, не зная, как утешить себя и Нюсю, сказала ей слова, в которые сама мало верила. Но зато в них навсегда поверила Нюся — она встретится с Шуриком.

Скучно текли летние дни без друга. Со страху мать перестала ее пускать на реку. Да и что там было делать без Шурика? Соседские ребятишки, как только она выходила за калитку, начинали дразниться, строили рожи, даже швыряли в нее песком с дороги, и Нюся, которая раньше с восторгом приняла бы этот вызов, вцепившись в волосы каждому обидчику по очереди, прикрывала калитку и возвращалась во двор.

День, когда она причитала около гроба Шурика, еще не забылся. Оставаясь дома одна, Нюся играла в плакальщицу, ставила на лавку у печи большую картонную коробку, в которой лежала старая тряпичная кукла, и, наклонившись над ней, начинала точь-точь, как Пелагея, причитать.

В один из дней этого длинного лета отец взял ее с собой в районное село. Они поехали туда на мотоцикле. По обеим сторонам твердой накатанной дороги зеленели поля, края которых смыкались с опустив-

шимися вниз белыми перинками облаков. Нюся знала, что Шурик сидит на одной из этих перинок и радуется вместе с ней быстрому бегу мотоцикла. И он точно видит, как она, сидя на заднем сиденье, перестает держаться руками за ручку, показывая Шурику чудеса храбрости.

Приехав в райцентр, Нюся с отцом вместе выбрали велосипед. Отец прикрепил коробку с покупкой к мотоциклу, и они отправились назад.

Нюся привязалась к велосипеду, как к единственному другу. То и дело мыла и терла его тряпочкой, как отец мыл мотоцикл, снимала и натягивала цепь, разбирала и собирала сияющий никелем звонок, привинченный к правому рогу руля. Весь остаток лета Нюся провела с велосипедом.

Осенью она пошла в школу. Училась хорошо. Была, к удивлению родителей, усидчивой, но характер ее резко и навсегда изменился. Нюся стала молчаливой и словно погрузилась в какую-то отгороженную от всех жизнь, мечту, ожидание.

Нюся сидела в классе в первом ряду, близко к окошку, выходившему в школьный сад. Однажды в третьем классе на уроке арифметики она глянула в окно. Был конец декабря, праздничный веселый снег сыпал на сад, и Нюсе представилось, что они с Шуриком стоят, выйдя из калитки его дома, и каждый держит за веревочку свои санки. Вдруг Нюся, полная боевого задора, снимается с места и бежит по дороге не оглядываясь, зная, что Шурик последует за ней. Но сквозь шум ветерка, овевающего ее, Нюся услышала голос учительницы, Валентины Григорьевны:

— Нюся, так, сколько литров молока было в бидоне?

Нюся встала из-за парты, не в силах разделить еще не рассеявшееся видение и реальность.

— А пошли на Агафьину горку! — промолвила она.

Класс хохочет, смеется и учительница. И не бранит лучшую ученицу — ну, задумался ребенок...

Придя из школы и переодевшись, Нюся обычно сразу бежала к матери на работу в телятник, который был соединен небольшим переходом с коровником. Зимой то одна, то другая корова переставали давать молоко.

— Стельная, — говорила мать радостно. — Отелится скоро.

Когда появлялся теленок, Нюся не могла посмотреть на него. Вот он стоит, гладкий, светлый, широко расставив нестойкие еще ножки, вот пьет молоко из бутылочки с длинной резиновой соской или пробует из кормушки первый в жизни небольшой пучок сена. И то потерянное после гибели Шурика чувство радостной детской безмятежности, наполненности жизни возвращалось к ней.

Закончив семилетку, Нюся пошла в колхоз телятницей. Хорошо было жить настоящими заботами,

радоваться, зная, что у коров Майки, Розы, Зорьки и Красотки скоро будут телята, а потом принимать на свет очередного мокрого, покрытого теплой слизью теленка. С напарницей они любовно укладывали новорожденного на чистую сухую соломенную подстилку, осматривали, не наглотался ли слизи, чист ли нос и рот, и потом давали корове вылизать теленка. Через час, обсушенный и отдохнувший, теленок с аппетитом ел, и Нюся каждый раз удивлялась, как умело, по-деловому, берет он сосок коровы и тянет молозиво.

В конце пятидесятых годов в Нюсиной деревне Ярунино, как и в других сёлах поблизости, церковей и священников не было. Но оставались две-три «начитанные» шестидесятилетние старухи, которых сельчане звали пропеть над покойником молитовки, почитать «пасалтырь».

Нюсе было тринадцать лет, когда ее позвали погослосить над Семеном Романовым — молодым еще мужчиной, скончавшимся от туберкулеза. Стоя у гроба, она клонила укрытую материным кружевным платком голову, перебирала бумажные цветы, уложенные в гроб поверх погребального покрывала, и причитывала:

— Ой, да на кого ты меня оставил, ой да на кого ж ты меня покинул со тремя ребятушками, одну со малыыми детушками! Ты ж и муж был мне, Сёмушка, ты хозяин всему домушку, в поле первый ты работник, для людей помога — плотничек. Уж последние минуточки ты в своей-то светлой горнице. Опустиет скоро светла горница, унесут тебя в терем темный, уж дороженька тебе невозвратная!

Плач словно возвышал свалившееся на семью горе, показывал его безмерность, всеобъятность. И казалось, что горюет все вокруг, не только люди. Обливается слезами небо-небушко, стонет ветер-ветрышко, и бор от горя качается, и вода в озере дрожит-колыхается — все участвуют в прощании-провождении голубочка милого, покинувшего дом.

Нюсин колодезный голос словно издали выплывал сначала заплачку, а потом делался ближе и слышнее и наконец срывался, переходил на стон и рыдание, когда она начала вспоминать, перечислять особенно дорогие подробности жизни покойного, и родные были благодарны ей за то, что она могла выразить их горе так, как они не умели.

Нюся для себя в этих плачах находила отраду. Каждый раз во время причитаний в какой-то миг она видела перед собой живого Шурика. Он стоял рядом и ждал, пока подружка освободится. Зимой Шурик стоял в братнином пальтишке и шапке с большими деревянными санками на витой веревке. Летом — в зеленой трикотажной майке и черных трусах, сшитых матерью, с босыми ногами в цыпках.

Односельчане уважали Нюсю, женщины хвалили:

— Хорошая ты, Нюська, стиховодница — сильно хорошая. И где только слова такие надывбываешь?

— Причѐт сам на ум течѐт, — благодарно улыбаясь, отвечала Нюся.

Ей казалось, что это и вправду так.

В девятнадцать Нюся вышла замуж за односельчанина и одноклассника Алексея Вязанкина. Спокойный, работающий — в первое лето после свадьбы Алексей поставил бревенчатый сруб будущего дома и почти в одиночку довел его до ума во второе лето. А потом постепенно пристроил большой сарай для скотины и летнюю кухню в углу двора.

Все дни Нюси и Алексея проходили в работе — колхозной и домашней, одинаково хлопотной, трудоемкой, но они любили ее. В ней находили простой и важный смысл. Эта работа несла удовлетворение, она давала к концу дня ту физическую усталость, которая делает бодрым и спокойным дух человека. Нюсина и Лѐшина одинаковая привязанность к построенному дому, клочку собственной земли, хозяйству, деревне соединяла их крепкой связью.

Но ни одна совместная жизнь не проходит без сучка и без задоринки. Когда они поженились, пробовал Алексей Нюсе запретить ходить на плачи. Сам он на похороны никогда не ходил. Неприятное жуткое чувство охватывало Лешу при виде покойника в гробу. Лишь раз в году на Пасху шел он на кладбище поправить могилки родных.

— Ну, зачем тебе ходить на эти плачи, ни за что надрываться? — говорил он.

— Да как же не ходить, люди в горе таком зовут, утешить надо, — недоумевала Нюся.

— Трудисься вон как, надрываешь себя, а деньги не берешь.

— Нет, Алеша. Денег не буду брать.

— Не ходи. Муж тебе это говорит! — пробовал Алексей строжиться.

— Душа моя утешается этими плачами. Это все равно, что тебе столярничать запретить, Алеша.

Однажды Алексей уступил и больше разговоров о том не затевал. Но всякий раз, когда за Нюсей прибегали позвать «на вопль» и она торопливо собиралась, делался хмурым и недовольным. Но он любил Нюсю, и, когда она возвращалась, смута в сердце проходила.

Как-то не выдержал, пошел вслед за женой в дом, где отпевали бабушку Ольгу Полохову. Бледная, встал у самого порога прихожей и услышал Нюсин плач. Голос родной и в то же время незнакомый сильно и глубинно выпевал горестную заплачку. Алексей теперь чувствовал не страх, а высокую важность момента, и умиление, и чистые восторженные слезы. «Как артистка выпекает, — изумлялся. — Прямо талант у Нюши моей. Искра божья». Постоял, послушал, а потом, пятясь, спиной открыл входную дверь и вышел.

Было у Алексея любимое дело, можно сказать, страсть — столярничать. Летом, когда самая работа, времени на это почти никогда не хватало, зато зимой мужик отводил душу. Делал Алексей и сундучки, и как раз вошедшие в моду комоды, и шкафы, и большие нарядные буфеты. Прямо в прихожей стоял верстак, обочь, на широкой лавке, лежал инструмент — большой и маленький рубанок, фуганок, пила, лобзик, стамеска и всякий мелкий инструмент. Имелся и небольшой станок, на котором Алексей вытачивал из дерева разные завитушки для украшения мебели. За вечер под верстаком и вокруг нарастала стружка да щепа по щиколотку.

Нюсе нравился запах струганого дерева, столярного клея и те разнообразные, уютные звуки, которые издавало дерево, когда его строгали, пилили или шкурили. Не нравилось ей другое: очень уж много Алексей думал о заработке.

— Смотри, Нюша, какая вещь получается! — позвал жену он как-то вечером, указав на готовый комод, покрашенный в темно-вишневый цвет и покрытый лаком. Нюся глядела на красивые завитки, которые украшали бока комода до самого низа, на блестящие фигурные ручки. И где только Алексей сумел их раздобыть?

— За тридцать рублей продам!

— Тридцать! — ужаснулась Нюся. — Всяку доску, всяк гвоздок прѐшь в дом. А все, чтоб денег еще заработать.

— Так это же хорошо, Нюся.

— Много просишь. Неудобно даже от людей, Алеша.

— Задаром, как ты, работать не буду! — Алексей упрямо тряхнул своим волнистым, аккуратно подстриженным чубом и лукаво взглянул на жену. — Как сказано? «Каждому по труду». Я по труду и беру!

Нюся знала, что так оно и было. Она видела, сколько силы, любви и терпения вкладывал Алексей в работу.

— Денег-то, Алеша, у людей — кот заплакал. Стыдно столько просить.

— А пусть пашут, как я, тогда и у них деньги появятся.

Сердито отщипнув долотом кусочек дерева из новой заготовки, муж закончил разговор.

— Всех денег не соберешь. Да и куда нам их? — пыталась продолжить Нюся. — Дай душе волю — захочется и поболее...

Словно теряя терпение, громко, беспощадно застучал молоток. И Нюся замолчала. «Мягко, мягко, а не согнешь. Да что ж, мириться надо», — думала она, глядя на мужа.

Как-то встретила Нюся в магазине Соню Лискунову — ту самую, что девочкой вместе с Шуриком купалась в тот день, когда он утонул. Соня была одна из немногих, с кем Нюся дружила в школе. Под гла-

зом Сони светился зажелтевший синяк, а на скуле темно-синей звездочкой выделялся другой.

— Соня, он тебя бьет? — шепотом спросила Нюся, когда они вышли вместе из магазина.

— Бабий быт всегда бит, — не поднимая глаз, ответила Соня. — Дурной он, не поговорит никогда, слова доброго не скажет! Нюся, уж лучше бы я вместо Шурика тогда утонула! — и заплакала.

А Нюсе с Алексеем всегда было о чем говорить.

— Ну как Ночкина дочка? Ожила? Как сама Ночка? — улыбаясь, спрашивал Алексей за ужином о корове, у которой Нюся на днях принимала роды, а та отелилась двойней. Бычок родился крепышом, а телочка, притесненная им в утробе, совсем хилая.

— Думаю, выходим, Алеша. Уж такая-то кроха жалостливая. Прижмется и давай кофту мне губёшками хватать.

— Окрепнет. Не первый раз, — говорил, улыбаясь, Алексей.

— Одно плохо: вот вырастет наша телочка, начнет гуляться, а не покроется, — огорченно вздыхала Нюся.

— А вдруг покроется? Тут бабка надвое гадала.

— Где ж надвое? Раз двойня у коровы разнополая, телка бесплодная будет.

— А вот посмотри, — не сдавался Алексей.

Задав на ночь скотине корму, Алексей возвращался в дом и шел к верстаку, приделанному к беленому боку печи в прихожей. Любил постолярничать перед сном. «Шурик послал мне такого мужа, ангелочек мой, — думала иногда Нюся, видя, как сильно не повезло в семейной жизни многим ее ровесникам. — А что детей мне Бог не дал, так ведь и Шурик бездетный, нам обоим Бог не дал». И хоть создавала, что рассуждения ее, наверное, дурны или вовсе отдают безумием, но по-другому рассуждать не соглашалась.

Алексей не заводил разговоров на эту тему, не упрекал. Совсем не было видно, чтобы он горевал о бездетности. Жизнь его была полна до краев тем, что имелось. Однажды Нюся слышала, как твердо и беспечально заявил муж соседке Кристинье: «Дети? На мне девятеро было, когда отец помер. Нанянькался!»

За все годы она всего раз достала детскую фотографию Шурика. Хотя у Нюси не было в том нужды, она никогда и не забывала, как он выглядел. Она знала, что ей надо прожить жизнь, чтобы потом встретиться с Шуриком. Иногда Нюся уставала ждать. Но тут же наваливалась забота: это могла быть бабочка-капустница, съедающая до корешка капустные листья, обнаруженный у поросенка цепень или забившаяся в конвульсиях курица, которая по неосторожности склевала что-то острое и твердое — косточку, камешек — и закупорила себе зоб. Тут же все силы и мысли направлялись на устранение бедствия, а душа ее в это время отдыхала и восполняла утраченные силы.

Так шли годы. Уже выросли дети ее ровесниц, нарожали своих детей. Жизнь покатила под уклон, и Нюсино поколение встало в невидимую очередь будущего ухода. Встречая одноклассниц, приехавших в Ярунино летом, как на дачу, Нюся не сразу узнавала их, расплывшихся, сильно поседевших и постаревших. Она пыталась увидеть в лицах знакомые первоначальные черты и не находила их. А ее маленькое худое лицо так и не обзавелось ни двумя подбородками, ни мешками под глазами, ни прочими безобразными аксессуарами старости. Нюся осталась худой и скорой в движениях, но откуда-то приходила мысль, что в этой веренице спускающихся по жизненному склону ее легкая быстрая походка многих опередит.

Однажды зимой Нюся сильно промерзла под лютым кладбищенским ветром. Хоронили Егора Гордеича, который дожил до девяноста лет. Он был «партийный», и жена слезно попросила Нюсю прийти попричитать над мужем не дома, а на кладбище. Нюся, стоя над дядей Егором, видела его перед собой таким, каким он был тогда, целую жизнь назад, когда искали в реке утонувшего Шурика.

— Положили тебя на лавку, положили, белы рученьки-то накрест сложили. Ой, куда ты отправился да снрядился? Ни жену, ни детей не спросился, ни сельчан твоих, сиротинушек...

Нюся, хорошо зная жизнь Егора Гордеича, долго пересказывала ее в живых, дорогих односельчанам подробностях. А под конец склонилась к нему низко и заголосила:

— А и встретитесь вы там, мои соколики, свет Егорий, светик ясный Александрюшка. И скажи ты ему привет сперва от матушки, а потом скажи привет да и от батюшки, ото всей родни его многия. А скажи и от меня, горькой горяшеньки, от подруженьки бедовой да от Нюшеньки, что душа моя с его-то не рассталась, что недолго ему ждать меня осталось...

Придя домой, Нюся никак не могла согреться. Она чувствовала, будто ее обложили осколками речных льдин. Но еще мучительней был лед, который заполнил изнутри — ни чай, ни грелка в ногах, ни даже стопка водки, которую упросил выпить Алексей, нисколько не согрели.

На следующее утро она перебралась в маленькую комнатку, отделенную от зала выкрашенными белой масляной краской досками. Маялась сильным жаром и изнурительным болезненным кашлем, но фельдшера звать не велела. Муж разрывался между работой в колхозе и домашним хозяйством. Все бесконечные дела: отгрести со двора снег, который шел всю ночь, топить печь, носить из реки воду, подогреть ее и поить скотину, подбрасывать сено, кормить поросенка, чистить пригон и вывозить навоз на огород, вовремя собрать яйца из-под куриц, — свалились на него одного.

Забежав пообедать или попить чая, Алексей успевал лишь на минутку заглянуть к Нюсе, возле которой сидела старая соседка тетя Кристинья. Видя, как жене плохо, с тяжелым сердцем уходил на работу. Соседка ухаживала за Нюсей, то и дело предлагала ей хоть чайку попить, хоть бульончика капельку. Пошел пятый день, как она заболела, лицо ее приобрело какой-то синеватый оттенок, губы обнесло кровавыми, незасыхающими болячками.

Алексей побежал за фельдшерницей Аграфеной Сергеевной. На самом деле она не была фельдшером, но всю войну работала санитаркой в прифронтовом госпитале и многому научилась, а теперь помогала односельчанам, как могла.

Аграфена послушала усаженную в подушки Нюсю, дала лекарств и сказала: «Губы обнесло — это, может, и хорошо. Болезнь наружу вышла. Но дышит плохо, хрипы слышу. Если не станет лучше, завтра в район вези».

На следующий день с утра Нюсе полегчало. Температура немного спала, и дыхание стало не таким изнурительным и болезненным. Но Нюся чувствовала, что она уходит, что ей просто дана эта передышка перед концом земной жизни. Обрадованный Алексей то и дело забегал к ней — поговорить, повидаться.

— Иди, Алеша, не теряй время, — говорила Нюся. — Замучился ты один все хозяйство держать.

Уже несколько часов она отдыхала. С удовольствием попила чая и поговорила с соседкой.

— На поправку ты пошла, слава Богу! — обрадовалась Кристинья. — Попей бульона.

— Нет, Кристиньюшка, — попросила Нюся, — пожар мне лучше речной рыбки у себя дома. И приноси, когда сможешь.

— Есть у меня рыбка. Пожарю, пожарю, Нюсенька! Ну, пойду я. Молодец ты у меня!

Нюся улыбнулась и закрыла глаза. Хлопнула дверь в сенях. Негромко проскрипела и стихла калитка.

Нюся, ухватившись руками за дужку кровати, села повыше. Она с удивлением смотрела даже не вдаль, а вглубь душного, надыханного воспаленными легкими узкого пространства комнаты. Все эти дни тяжелое раскаленное тело, обремененное страданием, словно продавливало насквозь толстый ватный матрац и панцирную сетку кровати. По спине пробежал озноб, и вдруг это тело словно живой водой омыли, оно стало по-детски легким и радостным.

Нюся спрыгнула с кровати, оделась и шагнула вперед, беспечно прыгнула через порожек избы в сенки. Просочилась сквозь их полумрак, вышла во двор. Как всегда, курицы кучкой кинулись ей навстречу, ожидая, что хозяйка кинет им пригоршню зерна, но Нюся увидела Шурика, стоящего у только что окрашенного отцом в зеленый цвет штакетника.

Крикнула: «Не прислоняйся, Шурик!» — и побежала к нему в новой светлой юбочке и новых туфлях.

Волосы ее были заплетены в светло-русую корзиночку, так заплетала мама только на праздник. «Шурик, а я невод нашла!» — сказала Нюся и протянула ему свое тюлевое погребальное покрывало, которое давно у нее было приготовлено. На Шурике тоже был праздничный костюмчик: его любимая голубая матроска и темно-синие брючки.

Он протянул руку, и они вместе побежали по тропинке, которая, к удивлению Нюси, вела не вниз, а вверх, все выше и выше. И все же они оказались на реке, у старых мостков. Наловили много рыбы и, завязав невод с уловом в узел, поплыли вместе.

ДУСИК

1

Дусик ехала на новом велосипеде. Он был зелено-перламутрового окраса, большой и сильный, как лось. К правому рогу руля был прикреплен блестящий никелированный звонок. И у него накачивались колеса, как у взрослого велосипеда. Дусик спешила на конский луг, где любила поваляться на траве среди пасущихся стреноженных коней, которых всех знала по именам: Лыска, Звёздочка, Гром, Чалый, Астра. Ну и они тоже знали ее в лицо и по имени.

Велосипед шел по деревенской улице быстро и упруго. Лишь около дома Анисьи Петровой, где был глубокий, по щиколотку, песок, Дусик слезла и повела его рядом с лужайкой, у которой бродили любопытные куры, а в сторонке от них — вяло и незаинтересованно — чернявый петух. Глубокое око его в желтом ободке смотрело на мир кротко и печально.

— Петя, Петя, ну как ты? — Дусик улыбнулась петуху улыбкой доброго доктора. — До чего ж ты черный! Анчутка и Анчутка!

Чуть подрагивая бородкой, петух уважительно и смиренно посмотрел на Дусика.

Дусиком ее прозвал отец, Иван Бастрыкин, сократив настоящее имя Лидуся. В его жизни было две главных радости: Дусик и темно-красный мотоцикл ИЖ-49. Когда он брался за руль, фигура Ивана становилась уверенной, руки — твердыми, а лицо — зорким и жестким. Мотоцикл срывался с места, и Дусик, стоя на дороге, смотрела, как взлетал он над солончаковым бугром и исчезал в пыли и дыму выхлопной трубы.

Лидуся родилась на мотоцикле. Папка ей вот что рассказывал. Когда она собралась выйти на свет божий, он повез роженицу в роддом, но не довез. По